

— О? А я-то думал, ты вызвался у императора, потому что того гвардейца в парчовых халатов нашёл занятым.

Гу Хуайцин презрительно хмыкнул:

— Его? Холодный как лёд, твёрдый как дерево. Что в нём занятного?

— А вот господин Дуань, по-моему, не так прост! — Доктор Ши понизил голос, придав ему заговорщицкий оттенок. — Не скажу, что я тебе не помогаю, но сообщу кое-что, о чём умолчал ранее. То вино...

— Что с вином?

— Пятидесятилетний «Белый цвет груши». Вкус у него лёгкий, но хмельной силы — невероятной. Если в отвар добавить чуть-чуть, эффект будет мгновенным!

Гу Хуайцин на миг замер, затем кивнул с улыбкой:

— Спасибо за столь важную улику. Хотя... Шиши, у тебя опять на почве вина тянет? Супруга по-прежнему на сухую посадила?

Лицо доктора Ши порозовело.

— Какая... какая супруга?! Я сам решил завязать, а не она меня заставила!

Видя, что тот вот-вот вспыхнет, Гу Хуайцин не стал дразнить его дальше, лишь похлопал по плечу:

— Ладно, ладно. Раскрою дело — подарю тебе десять кувшинов отборного «Белого цвета груши», все пятидесятилетней выдержки. Приходи ко мне, и пропьём мы их до дна!

Сказав это, Гу Хуайцин велел людям из Восточной Ограды проводить доктора Ши обратно в Императорскую медицинскую академию, а сам вернулся в дом Шэнь продолжать расследование.

Пока Гу Хуайцин провожал доктора, управляющий дома Шэнь, следуя указанию Дуань Минчэня, собрал всех слуг во дворе для допроса гвардией в парчовых халатах и Восточной Оградой.

В доме Шэнь числилось более ста тридцати душ. Глядя на них, двор казался сплошь уставленным склонёнными затылками. Дом Шэнь и впрямь славился строгими порядками. Слуг было много, но никакой суеты: все стояли, опустив головы и сложив руки, не издавая ни звука.

Людей в доме Шэнь было много, а вот хозяев — мало, и отношения меж ними не отличались сложностью.

Родители Шэнь Цзюньжу умерли рано, семья жила в бедности, и в детстве он выжил лишь благодаря помощи односельчан. Однако от природы он был одарён недюжинно, учился блестяще. В двадцать лет, сдав государственные экзамены, он прошёл все три ступени с наивысшими результатами, а на дворцовом испытании и вовсе взял первое место, прогремев на всю Поднебесную.

Шэнь Цзюньжу был не только учён, но и статен, и обходителен, и в общении искусен. Вскоре

он снискал благосклонность столичной знати, и многие мечтали выдать за него своих дочерей.

Первой его супругой стала дочь генерала Ло Цзяня, прославившегося в былые времена умирением северных кочевников. Прожив с Шэнь Цзюньжу три года, госпожа Ло родила лишь одну дочь — единственную наследницу рода Шэнь, Шэнь Ичань. Роды подкосили здоровье госпожи Ло, и она скончалась, когда девочке не было и года.

У Шэнь Цзюньжу было всего двое детей: дочь Шэнь Ичань и незаконнорождённый сын, его единственный отпрыск мужского пола, Шэнь Юйчжу. Шэнь Юйчжу был ровесником Шэнь Ичань, старше её всего на несколько дней. Матерью его была служанка госпожи Ло по имени Жунян, которую в доме величали «Наложницей Цзян».

После кончины госпожи Ло Шэнь Цзюньжу так и не женился вновь. Наложница Цзян, как единственная наложница в доме и мать его единственного сына, какое-то время пользовалась особой милостью.

Однако чем старше становился Шэнь Юйчжу, тем беспутнее оказывался. К учёбе он отцовских талантов не унаследовал, зато в пирах, азартных играх и утехах плоти не знал равных. Увещевания на него не действовали, что вызывало у Шэнь Цзюньжу глубочайшее недовольство, и он частенько бранил непутового отпрыска.

Возможно, именно разочарование в сыне и побудило Шэнь Цзюньжу подумать о новом браке — в надежде произвести на свет достойного наследника.

Совсем иной была старшая дочь, Шэнь Ичань. Красавица, искусная в музыке, шахматах, каллиграфии и живописи, она пользовалась безупречной репутацией в кругу столичных девиц на выданье. После того как она достигла совершеннолетия, порог дома Шэнь едва не протёрли до дыр назойливые свахи. Однако Шэнь Цзюньжу, зная цену её дарованиям и статусу единственной законной наследницы, не спешил с замужеством.

Год назад в столицу для сдачи экзаменов прибыл Вэй Имин — тоже из небогатой семьи, но юный, статный и необычайно одарённый. Явившись в столицу, он нанёс визит Шэнь Цзюньжу. Тот, узрев в молодом человеке сходство с собственной молодостью, проникся к нему искренней симпатией, и между ними завязались отношения учителя и ученика.

Вэй Имин оправдал ожидания: блестяще прошёл все испытания, на дворцовом экзамене завоевал звание чжуаньюаня (первого из первых) и был назначен на должность сючжуаня в Академии Ханьлинь. Хотя сючжуань — всего лишь чиновник шестого ранга, в империи сложилось неписаное правило: не служил в Ханьлине — не войдёшь в кабинет министров. Путь предстоял неблизкий, но блестящее будущее было практически гарантировано.

Шэнь Цзюньжу остался учеником чрезвычайно доволен и испросил у императора указа о браке дочери с новоиспечённым чжуаньюанем.

Союз таланта и красоты, идеальная пара — казалось, сами небеса благословили этот брак. А уж императорская санкция и вовсе делала его немислимой честью. Когда весть о предстоящей свадьбе разнеслась, все только и говорили, что о зависти.

Но кто мог подумать, что накануне торжества отец невесты скоропостижно скончается? Свадьбу, естественно, пришлось отменить. Радость вмиг обернулась трауром — душераздирающий поворот.

Со смертью Шэнь Цзюньжу дом Шэнь в одночасье лишился опоры. А тут ещё гвардия в

парчовых халатах явилась с обыском и допросами, перевернула всё вверх дном. В воздухе повисла всеобщая тревога, на лицах читалась тяжкая озабоченность.

Взгляд Дуань Минчэня, острый как клинок, скользнул по собравшимся.

Госпожа Се Хуэйлань, бледная, с покрасневшими от слёз глазами, вышла, опираясь на служанку. Белые траурные одежды на голове и теле лишь подчёркивали её хрупкость и незащищённость. Управляющий, испросив разрешения у гвардейцев, принёс ей табурет.

Единственный сын Шэнь Цзюньжу, Шэнь Юйчжу, ещё не достигший двадцатилетия, внешне был недурён собой. Увы, взгляд его был пуст, под глазами залегли синеватые тени, а стойка выдавала шаткость — явные приметы жизни в разгуле и распутстве.

Рядом с Шэнь Юйчжу стояла дама лет тридцати с хвостиком, одетая со вкусом и отличавшаяся поразительной красотой. Вероятно, это и была та самая единственная наложница в доме, мать Шэнь Юйчжу — госпожа Цзян.

Однако старшая дочь, Шэнь Ичань, так и не появилась. Не дожидаясь вопроса Дуань Минчэня, управляющий сам пояснил:

— Наша госпожа с детства не отличается крепким здоровьем. Вчера ей стало нехорошо, и она рано удалилась. Сегодня утром было чуть лучше, но весть о кончине господина повергла её в такое горе, что она лишилась чувств. Бедняжка и без того слаба, а теперь совсем разболелась. Лекарь велел соблюдать постельный режим, потому она не может предстать перед вами.

Се Хуэйлань добавила в поддержку:

— Господин Дуань, моя дочь ещё не замужем. По правилам приличия ей не подобает показываться перед посторонними мужчинами. Умоляю вас, смиростивитесь.

Дуань Минчэнь заметил, что слуги выражали искреннее сочувствие, — видно, госпожа Шэнь пользовалась в доме любовью. Лишь Наложница Цзян едва заметно скривила губы, будто выражая пренебрежение.

И немудрено, что госпожа Шэнь убита горем. Вот-вот должна была выйти за желанного жениха — и вдруг смерть отца. По установленному порядку, после кончины родителей дети обязаны соблюдать трёхлетний траур, в течение которого браки запрещены. Госпоже Шэнь уже восемнадцать. Прожди она ещё три года — станет старой девой. Да и чжуаньюань Вэй, кто знает, согласится ли ждать?

Женщина в доме отца подчиняется отцу, после замужества — мужу. Шэнь Ичань рано лишилась матери, а теперь потеряла и влиятельного отца — положение её стало шатким. Хуже того, из-за траура она может упустить блестящую партию. Как тут не горевать?

Дуань Минчэнь кивнул в знак понимания, но твёрдо настоял:

— Дело серьёзное. Допрошены должны быть все обитатели дома. Когда состояние госпожи Шэнь немного улучшится, ей всё равно придётся ответить на вопросы. Мы можем допустить, чтобы она не показывалась, а говорила из-за ширмы.

В этот момент во двор быстрым шагом вошёл младший офицер гвардии в парчовых халатах, держа в руках небольшой винный кувшин.

— Господин, это найдено в кухонном шкафу... — Офицер подал кувшин Дуань Минчэню.

Тот кивнул и поднял глаза, внимательно наблюдая за выражениями лиц. Большинство сохраняли спокойствие. Лишь в глазах Шэнь Юйчжу мелькнула паника, да и его мать, Наложница Цзян, казалась встревоженной.

— Что в кувшине? — раздался звонкий голос Гу Хуайцина.

Он как раз пересёк порог внутренних ворот, прошёл сквозь толпу и твёрдым шагом направился к офицеру.

Тот взглянул на Дуань Минчэня и ответил:

— Пятидесятилетний «Белый цвет груши».

В глазах Гу Хуайцина и Дуань Минчэня одновременно вспыхнул интерес. Они почти синхронно протянули руки к кувшину и схватили его, каждый успев ухватить свою половину. Уставившись друг на друга, они не желали уступить.

Собравшиеся смотрели на них в изумлении. Двое же, встретившись взглядом, всё поняли без слов.

Гу Хуайцин подумал: «Так вот оно что! Этот Дуань тоже ценитель выпивки. Он давно всё выяснил, а мне и слова не сказал. Хорошо ещё, Шиши меня выручил. Гм!»

Дуань Минчэнь же ещё по остаткам отвара определил сорт вина. Он предположил, что доктор Ши, уходя, проболтался Гу Хуайцину. Не говоря ни слова, он ловким движением вырвал кувшин и спрятал его за пазуху.

<http://bllate.org/book/16283/1466639>